

№ 593. — Прощение на имя Александра II.

(14 февраля 1857 года.) [Шлиссельбургская крепость.]

Ваше императорское величество,
всемилоостивейший государь!

Многие милости, оказанные мне незабвенным и великодушным родителем вашим и вашим величеством, вам угодно ныне довершить новою милостью, мною не заслуженною, но принимаемою с глубокою благодарностью: позволением писать к Вам. Но о чем может преступник писать к своему государю, если не просить о милосердии? Итак, государь, мне дозволено прибегнуть к Вашему милосердию, дозволено надеяться. Пред правосудием всякая надежда с моей стороны была бы безумием; но пред милосердием Вашим, государь, надежда есть ли безумие? Измученное, слабое сердце готово верить, что настоящая милость есть уже половина прощения; и я должен призвать на помощь всю твердость духа, чтобы не увлечься обольстительною, но преждевременною и может быть напрасною надеждою.

Что бы впрочем меня ни ожидало в будущем, молю теперь о позволении излить перед Вашим величеством свое сердце, чтобы я мог говорить перед Вами, государь, так же откровенно, как говорил перед покойным родителем Вашим, когда его величеству угодно было выслушать полную исповедь моей жизни и моих действий. Волю покойного государя, переданную мне графом Орловым (Александром Федоровичем.), чтобы я исповедался пред ним, как духовный сын исповедуется пред духовным отцом своим, я исполнил, не покрывив душою, и хотя исповедь моя, написанная, сколько я помню, в чаду недавнего прошедшего, не могла по духу своему заслужить одобрения государя, но я никогда, никогда не имел причины раскаиваться в своей искренности, а напротив ей одной, после собственного великодушия государя, могу приписать милостивое облегчение моего заключения. И ныне, государь, ни на чем другом не могу и не желаю основать надежду на возможность прощения как на полной, искренней откровенности с моей стороны.

Привезенный из Австрии в Россию в 1851 году и забыв благодать отечественных законов, я ожидал смерти, понимая, что заслужил ее вполне. Ожидание это не сильно огорчало меня, я даже желал скорее расстаться с жизнью, не представлявшею мне ничего отрадного в будущем. Мысль, что я жизнью заплачу за свои ошибки, мирила меня с прошедшим, и, ожидая смерти, я почти считал себя правым.

Но великодушию покойного государя угодно было продлить мою жизнь и облегчить мою судьбу в самом заключении. Это была великая милость, и однако же милость царская

обратилась для меня в самое тяжкое наказание. Простившись с жизнью, я должен был снова к ней возвратиться, чтобы испытать, во сколько раз моральные страдания сильнее физических. Если бы заключение мое было отягчено строгостью, сопряжено с большими лишениями, я, может быть, легче перенес бы его; но заключение, смягченное до крайних пределов возможности, оставляя мысли полную свободу, обратило ее в собственное свое мучение. Связи семейные, которые я считал навек прерванными, возобновленные милостивым позволением видаться с семейством, возобновили во мне и привязанность к жизни; ожесточенное сердце постепенно смягчалось под горячим дыханием родственной любви; холодное равнодушие, которое я принимал сначала за спокойствие, постепенно уступало место горячему участию к судьбе давно потерянного из виду семейства, и в душе пробудилась - вместе с сожалением об утраченном счастье мирной, семейной жизни - глубокая, невыразимо мучительная скорбь о невозвратно и собственною виною безумно разрушенной возможности сделаться когда-нибудь наравне с пятью братьями опорой своего родного дома, полезным и дельным слугою своего государства. Завещание умирающего отца, которого я не переставал любить и уважать всем сердцем даже и в то время, когда поступал совершенно вопреки его наставлениям, его последнее благословение, переданное мне матерью, под условием чистосердечного раскаяния, встретило во мне уже давно тронутое и готовое сердце.

Государь! Одинокое заключение есть самое ужасное наказание; без надежды оно было бы хуже смерти: это-смерть при жизни, сознательное, медленное и ежедневно ощущаемое разрушение всех телесных, нравственных и умственных сил человека; чувствуешь, как каждый день более деревянеешь, дряхлеешь, глупеешь и сто раз в день призываешь смерть как спасение. Но это жестокое одиночество заключает в себе хоть одну несомненную и великую пользу; оно ставит человека лицом к лицу с правдою и с самим собою. В шуме света, в чадущих происшествий легко поддаешься обаянию и призракам самолюбия; но в принужденном бездействии тюремного заключения, в гробовой тишине непрерывного одиночества долго обманывать себя невозможно: если в человеке есть хоть одна искра правды, то он непременно увидит всю прошедшую жизнь свою в ее настоящем значении и свете; а когда эта жизнь была пуста, бесполезна, вредна, как была моя прошедшая жизнь, тогда он сам становится своим палачом, и сколь бы тягостна ни была беспощадная беседа с собою, о самом себе, сколь ни мучительны мысли, ею порождаемые, - раз начавши ее, ее уж прекратить невозможно. Я это знаю по восьмилетнему опыту.

Государь! Каким именем назову свою прошедшую жизнь? Растраченная в химерических и бесплодных стремлениях, она кончилась преступлением. Однако я не был ни своекорыстен, ни зол, я горячо любил добро и правду и для них был готов пожертвовать собою; но ложные начала, ложное положение и грешное самолюбие вовлекли меня в преступные заблуждения; а раз вступивши на ложный путь, я уже считал своим долгом и своею честью продолжать его донельзя. Он привел и ввергнул меня в пропасть, из которой только всемогущая и спасающая длань Вашего величества меня извлечь может.

Стою ли я такой милости? На это я могу сказать только одно: впродолжение восьмилетнего заключения, а особливо в последнее время я вынес такие муки, которых прежде не предполагал и возможности. Не потеря и не лишение житейских наслаждений терзали меня, но сознание, что я сам обрек себя на ничтожество, что ничего не успел совершить в

жизни своей кроме преступления, не сумев даже принести пользу семейству, не говоря уже о великом отечестве, против которого я дерзнул поднять крамольно бессильную руку; так что самая милость царская, самая любовь и нежные попечения моих родителей обо мне, ничем мною не заслуженные, превращались для меня в новое мучение: я завидовал братьям, которые делом могли доказать свою любовь матери, могли служить Вам, государь, и России. Но когда по призыву царя вся Русь поднялась на соединенных врагов; когда вместе с другими ополчились я мои пять братьев и, оставив старую мать и малолетние семьи, понесли свои головы на защиту родины,- тогда я проклял свои ошибки и заблуждения и преступления (Слова ошибки и заблуждения и преступления" подчеркнуты красным карандашом в оригинале (вероятно царем).), [1] осудившие меня на постыдное, хотя и принужденное бездействие в то время, когда и я мог бы и должен бы был служить царю и отечеству; тогда положение мое стало для меня невыносимо, тоска овладела мною и я молил одного: или свободы, или смерти.

Государь! Что окажу еще? Если бы мог я сызнова начать жизнь, то повел бы ее иначе; но - увя!- прошедшего не воротишь! Если бы я мог загладить свое прошедшее делом, то умолял бы дать мне к тому возможность: дух мой не утратился бы спасительных тягостей очищающей службы: я рад бы был омыть потом и кровью свои преступления. Но мои физические силы далеко не соответствуют силе и свежести моих чувств и моих желаний: болезнь сделала меня никуда и ни на что негодным. Хотя я еще и не стар годами, будучи 44 лет, но последние годы заключения истощили весь жизненный запас мой, сокрушили во мне остаток молодости и здоровья: я должен считать себя стариком и чувствую, что жить мне остается недолго [2]. Я не жалею о жизни, которая должна бы была протечь без деятельности и без пользы; только одно желание еще живо во мне: последний раз вздохнуть на свободе, взглянуть на светлое небо, на свежие луга, увидеть дом отца моего, поклониться его гробу и, посвятив остаток дней сокрушающейся обо мне матери, приготовиться достойным образом к смерти.

Пред Вами, государь, мне не стыдно признаться в слабости; и я откровенно сознаюсь, что мысль умереть одиноко в темничном заключении пугает меня, пугает гораздо более, чем самая смерть; и я из глубины души и сердца молю Ваше величество избавить меня, если возможно, от этого последнего, самого тяжкого наказания.

Каков бы ни был приговор, меня ожидающий, я безропотно заранее ему покоряюсь как вполне справедливому и осмеливаюсь надеяться, что в сей последний раз дозволено мне будет излить перед Вами, государь, чувство глубокой благодарности к Вашему незабвенному родителю и к Вашему величеству за все мне оказанные милости.

Молящий преступник

Михаил Бакунин. 14 февраля 1857 года [3].

Комментарий

Но 593.-Впервые опубликовано в нашей книге о Бакунине (1920, стр. 342-346). Оригинал находится в "Деле" о Бакунине, ч. III, лист 3 сл. Одно время он был выкраден оттуда одним

